

Огромная луна застыла на краю небес, одинокие звёзды усыпали блеклый небосвод. Серебристый лунный свет струился вниз, и среди деревьев колыхались зыбкие тени.

В тиши ночи порой раздавался лишь хор цикад да вдалеке тоскливо выли дикие звери, отчего ночная тихий мрак казался еще глубже.

В этой тишине человеческий голос звучал на редкость отчётливо.

— Время уже позднее, продолжать путь не годится. Лучше отдохнуть эту ночь, а завтра выступить снова.

Под лунным светом выражение лица Данчи было предельно искренним.

Он выглядел совершенно наивным и никак не мог взять в толк, почему эти двое непременно должны куда-то мчаться среди ночи.

Лу Сяофэн со сложным выражением взглянул на него, поднял голову и подумал, что луна сегодня необычайно красива.

С тех пор как они покинули Усадьбу Десяти Тысяч Слив, Данчи повторял эти слова уже бессчётное число раз.

— Разве вы сами вечно не говорите, что ночью дорога трудна? — видя, что никто ему не отвечает, снова затянул Данчи. — Мы могли бы спокойно переночевать в Усадьбе Десяти Тысяч Слив и выдвинуться завтра, времени бы хватило.

Лу С*Wяофэн продолжал смотреть на ночное небо, однако боковым зрением всё же не удержался и бросил мимолётный взгляд вперед. От этого взгляда его мгновенно пробрала дрожь, и он зябко потёр плечи.

Мысленно он сокрушённо подумал, что история о том, как Чанъэ улетела на луну, пожалуй, вовсе не выдумка: если нет на свете дворца Гуанхань, откуда тогда берётся эта разлитая по горам леденящая стужа?

Ах, до чего же холодно!

На вершине горы исполинское лунное колесо казалось совсем близким, но еще более примечательным было одинокое белое одеяние.

Этот человек шагал вперёд молча и неспешно, не издавая ни малейшего звука. Его поступь выгляделалась столь же непринуждённой, будто он прогуливался по собственному саду, хотя двигался он на удивление быстро.

Лунный свет падал на белые одежды, серебристые скрытые узоры переливались холодноватым сиянием, отчего его черты казались ещё более неземными и хрупкими, словно высеченными из нефрита.

Данчи зачарованно засмотрелся на него, опомнился и, сделав пару быстрых шагов, догнал идущего впереди человека.

Оглянувшись на него, он мягко произнёс:

— Чуйсюэ, будь осторожнее на дороге.

Что он будет делать, если упадет, идя так быстро?

Под ухом непрерывно кто-то болтал, перед глазами маячил назойливый спутник, однако Симень Чуйсюэ сохранял полное спокойствие — лишь равнодушно бросил на него мимолётный взгляд и бесстрастно обошёл стороной.

Казалось, он уже привык к докучливым преследованиям этого человека, и на его лице больше не отражалось никаких эмоций, да и ледящей ауры вокруг него больше не ощущалось.

Позади Лу Сяофэн снова потёр плечи, мысленно подумав, что в горах и впрямь ночами сыро и холодно, раз в такую погоду даже намечаются заморозки.

Преследования продолжались: Данчи заговорил снова, пытаясь уговорить своего партнера по даосскому пути немного передохнуть. Он-то знал, что смертные в этом бренном мире всегда отдыхают по ночам.

Но стоило ему приоткрыть рот и попытаться вымолвить хоть слово, как шедший доселе в молчании партнёр внезапно поднял голову и бросил на него холодный взгляд.

Порыв ледяной крошки угодил прямо в рот, заставив Данчи вздрогнуть от озноба и мгновенно захлопнуть рот.

Оказавшись во власти всепоглощающей снежной бури, он ощутил пронизывающий до костей холод.

Данчи поджал губы, и на его лице невольно промелькнуло разочарование.

Похоже, его даосскому партнеру не по душе ухаживания и забота.

Он с бесконечной тоской оглянулся на Усадьбу Десяти Тысяч Слив.

Когда же он сможет поселиться там совершенно открыто!

Лу Сяофэна тоже едва не сбила с ног эта долго зревшая буря. Притопнув ногой, он странным взглядом посмотрел на парочку, и в особенности на Данчи.

Что, чёрт побери, этот малый сотворил с Сименем? Сам Лу Сяофэн еще никогда не видел Сименя в таком устрашающем обличье.

Вскоре после бури вокруг вновь воцарилась тишина.

Пройдя ещё немного, они увидели впереди полуразрушенный храм.

— Давайте переночуем здесь! — предложил Лу Сяофэн.

Данчи скривился с явным отвращением.

В этот момент Симень Чуйсюэ направился прямо к соломе у стены и опустился на неё, скрестив ноги.

Увидев это, Лу Сяофэн тут же поспешил заявить:

— Глядите! Симень тоже согласен!

Данчи сначала злобно зыркнул на Лу Сяофэна глазами, исполненными жутковатого мрака — его задело, что партнер встал на сторону этого пройдохи, — но тут же сообразил.

И правда, многие странники порой ночуют под открытым небом.

И всё же, окинув взглядом этот обветшалый храм, Данчи нахмурился ещё сильнее.

Подумав, что тот всё ещё капризничает, Лу Сяофэн поспешно бросил:

— В глуши и диких местах радоваться надо, если крыша над головой есть!

Услышав это, Данчи преисполнился жгучей жалости.

Как же тяжело приходится его партнёру по даосскому пути!

Говаривали ведь, что раньше, отправляясь на охоту за головами, его партнер пропадал в

странствиях по несколько дней — неужели он и тогда вечно ночевал по таким вот развалинам?

При этой мысли Данчи неожиданно умолк, погрузившись в мрачные раздумья.

Лу Сяофэн тем временем навел в храме некое подобие порядка и разжёг костёр.

Усевшись вокруг огня, Лу Сяофэн посмотрел на Данчи и после короткой паузы спросил:

— Ты можешь осмотреть глаза Хуа Маньлоу?

— А, да...

Данчи думал о чём-то своём, а потому ответил небрежно и рассеянно.

Но раз уж он дал слово, то, конечно же, не собирался от него отказываться.

— Благодарю за труды.

Хуа Маньлоу, услышав внезапное обращение к себе, слегка замер. На его лице отразилось желание что-то сказать, но он сдержался, после чего сложил руки в приветственном жесте.

Данчи же вовсе не слушал его слов: подойдя ближе, он просто раздвинул ему веки, принимаясь за осмотр.

Лу Сяофэн с тревогой следил за его движениями и не удержался от замечания:

— Поосторожнее.

Данчи равнодушно бросил на него взгляд и отпустил руки.

Увидев, что осмотр окончен, Лу Сяофэн тут же нетерпеливо спросил:

— Ну как?

Данчи молча глядел на него, а затем вдруг с предельной суровостью произнёс:

— Выйди со мной.

Услышав это, Лу Сяофэн переменился в лице — неужели всё настолько скверно?

Данчи уже вышел за порог храма и, заметив, что Лу Сяофэн всё ещё топчется на месте, недовольно поторопил его.

Бросив полный тревоги взгляд на Хуа Маньлоу, Лу Сяофэн послушно последовал наружу.

Стоило им выйти, как в помещении мгновенно воцарилась тишина.

Спустя мгновение Хуа Маньлоу заговорил первым:

— Главе усадьбы Симень лучше присесть здесь.

Симень Чуйсюэ приоткрыл глаза, равнодушно взглянул на него и продолжил сидеть неподвижно, обхватив меч руками.

— Твоё сердце встревожено.

Холодный голос эхом пронёсся под сводами храма.

Хуа Маньлоу замер, а уголках его губ застыла горькая, беспомощная улыбка.

— Теперь я и сам не ведаю, чего именно желаю.

В тишине вернулись остальные.

Они вошли один за другим: Данчи сиял довольной улыбкой, в которой при ближайшем рассмотрении угадывалось едва сдерживаемое возбуждение, и с порога уставился на Симень Чуйсюэ горящим, пытливым взглядом.

Лицо же Лу Сяофэна казалось весьма странным; переступив порог, он бросил на Симень Чуйсюэ невероятно сложный, заговорщический взгляд.

Встретив этот странный взгляд, Симень Чуйсюэ наконец разлепил веки.

На его челе промелькнула едва заметная складка.

Хуа Маньлоу, лишённый зрения, не мог видеть этого происходящего, но, ощутив повисшую тишину, вновь подал голос:

— На самом деле, нет ничего страшного в том, что я не вижу. Даже будучи слепцом, я способен ощущать многое: я могу слышать, как распускаются цветы...

Речь Хуа Маньлоу была прервана неожиданным звуком. Данчи очнулся от своих мыслей и, услышав его слова, презрительно хмыкнул:

— Самоуспокоение от безысходности.

С этими словами он лёгкой, пружинистой походкой направился в сторону.

На полуслове оборванная речь Хуа Маньлоу умолкла, и он погрузился в молчание.

Данчи извлёк из заплечного короба несколько пучков трав и разложил их перед собой.

— Травы? — Хуа Маньлоу шевельнул ноздрями и слегка удивленно приподнял брови.

— Что такое? — удивился Лу Сяофэн.

Хуа Маньлоу немного подумал и спросил:

— Лу Сяофэн, вы что, снаружи травы собирали?

Лу Сяофэн покачал головой:

— Ничего подобного.

Хуа Маньлоу вновь умолк на мгновение, а затем промолвил:

— Раньше я тоже не чувствовал этого запаха.

Лу Сяофэн замер, после чего широко раскрытыми глазами уставился на испускающий зелёное сияние короб с травами.

Прежде Хуа Маньлоу за всю дорогу не ощущал аромата лекарственных растений, но теперь тот отчётливо слышался в воздухе — и единственной разницей было то, что Данчи достал травы наружу.

Он перевёл взгляд на Симень Чуйсюэ, гадая, знает ли тот об этой странности своего спутника.

Данчи не обращал на них никакого внимания. Положив пучок трав на ладонь, он мгновенно превратил их в густую зелёную жидкость — в одно мгновение, стоило лишь моргнуть.

— Что это за кунг-фу? — изумлённо вытаращил глаза Лу Сяофэн.

— Варка лекарств, — небрежно бросил Данчи.

Внешне он сохранял полное спокойствие, но в глубине души торжествовал.

Творить алхимию голыми руками под силу лишь тем, кто достиг определённых высот; все, кто способен на подобное, — не кто иной, как великие мастера алхимии, подобные старейшинам высшего порядка из его собственной секты.

Партнер по даосскому пути наверняка зауважает его еще больше, увидев, сколь он могуществен.

Предки вечно твердили, что у него выдающийся, не имеющий равных за мириады лет талант.

Краем глаза поглядывая на даосского партнера, он не прекращал движений рук.

Желая, чтобы партнер разглядел всё как следует, он намеренно вызвал к жизни духовное пламя.

Яркое пламя пылало прямо на нефритовой ладони, не причиняя ей ни малейшего вреда.

Трава за травой отправлялись в огонь, превращаясь в прозрачные, чистейшие целебные эссенции.

По мере того как процесс алхимии подходил к концу, выражение лица Данчи становилось всё более сосредоточенным. На его красивом лице читалась абсолютная концентрация, взгляд сделался торжественным и строгим, словно он перенёсся в какой-то иной мир, где ладонь вмещала всю его жизнь.

Озарённый отсветами пламени, он обладал поистине неотразимым очарованием.

Оттого оба присутствующих в храме невольно замерли.

Данчи был полностью поглощен несколькими сгустками жидкого лекарства на ладони: он разделял их свойства, смешивал эссенции, меняя пассы руками — неспешно, плавно, его движения напоминали текучую воду, доставляя истинное эстетическое наслаждение всякому, кто на них смотрел.

Вскоре между его ладонями сформировался плотный зелёный комок мази.

Затем его руки замерли, таинственная аура вокруг него мгновенно рассеялась, и он небрежно швырнул мазь вперёд.

— Наложите на глаза, — бросил он.

После этого выражение лица Данчи снова переменилось: он резким движением повернул голову и уставился на Симень Чуйсюэ сияющими, невероятно яркими глазами, в которых плескалось пылкое ожидание.

Не находил ли партнер только что его движения невероятно крутыми?

Он ведь не раз слышал, как окружающие его ученики-фармацевты судачили о том, что во время варки лекарств его облик полон царственного величия и выглядит особенно прекрасно.

Всякий, кому доведется это увидеть, непременно падет жертвой его чар.

Симень Чуйсюэ отвёл взгляд, равнодушно качнул головой и закрыл глаза, не выказав никаких эмоций.

Данчи: ...Он был безутешен.

QAQ Почему даосский партнер до сих пор не очарован им!

Смеет крутить носом — вернется, заставит этих сопляков-фармацевтов пропалывать лекарственные плантации!

Данчи кипел от праведного гнева.

К счастью, у него имелся запасной план.

Лу Сяофэн ошеломлённо поймал лекарство.

Мазь в его ладони держала форму, размером с ладонь, прозрачно-зелёная, словно отборный кусок нефрита.

Нос уловил диковинный травяной аромат, а в голове разлилась освежающая прохлада, приносящая невыразимое облегчение.

Лу Сяофэн подскочил на месте, словно испуганный заяц:

— Ци-тун!

Бережно прижимая к себе мазь, он с воодушевлением принялся накладывать её Хуа Маньлоу, и лишь спустя полдня сумел унять волнение.

Столь чудодейственная мазь наверняка исцелит глаза Ци-туна.

То ли в преддверии скорого исполнения заветного желания, но спалось ему нынче на редкость крепко.

Лу Сяофэн спал глубоко, чего с ним не случалось уже очень давно, ведь в мире цзянху, стоило человеку уснуть слишком крепко, он рисковал уже не проснуться вовсе.

Но сегодня, неизвестно почему, его одолевала дремота — необыкновенная, тяжёлая дремота.

Среди ночи, пребывая в полусне, Лу Сяофэн вдруг почувствовал, что вокруг стало невыносимо светло, а следом накатила обжигающая волна жара.

Сообразив, в чём дело, он истошно завопил:

— Пожар!

Мгновенно протрезвев, он распахнул глаза и увидел Данчи, который смотрел на него ледящим взглядом.

В тот момент Лу Сяофэну показалось, что Данчи намерен сжечь его заживо.

И всё лишь потому, что Симень заговорил с ним!

Не успел он поразмыслить над этим, как спина Лу Сяофэна покрылась холодным потом.

— Лу Сяофэн, что такое, успокойся, — разбуженный его криками Хуа Маньлоу наощупь шагнул вперед и, нахмурившись, произнес: — Я не чувствую запаха гари, — хотя вокруг и впрямь было жарко до обжигающего.

Лу Сяофэн задрожал и, вмиг придя в себя, огляделся. По полуразрушенному храму бушевали языки пламени, однако ничто вокруг не горело — за исключением их собственного недавнего костра.

Но один-единственный костёр уж точно не мог создать столь ослепительное и жаркое марево.

Окинув взглядом помещение, он заметил, что всё вокруг залито багрянцем, но стены и крыша оставались невредимы.

Данчи стоял посреди этого пепелища с леденящим выражением лица, сжимая в руке золотистый камень, который непрерывно источал золотисто-красное сияние, окрашивая весь храм в цвета бушующего пламени.

— Что это? — завопил Лу Сяофэн.

— Огненный Камень Желчи, — ледяным тоном отозвался Данчи, бросая на него недовольный взгляд.

Какой же он всё-таки паникёр, знал бы раньше — сунул бы ему в рот немотуху.

Всю подготовку сюрприза для Чуйсюэ испортил!

Он ведь планировал сперва всё как следует обустроить здесь, а уже потом будить партнера.

Взглянув на камень в своей руке, он нахмурился.

Огненный Камень Желчи зарождался лишь в глубинах вулканической магмы, добыть его было невероятно трудно. Он таил в себе колоссальную стихийную мощь огня, а при варке огненных пилюль способен был многократно усиливать целебные свойства.

Камень в руке Данчи был размером с кулак, внутри него непрерывно бурлила золотистая густая лава, испуская в ночной тишине знойное золотисто-красное сияние, от которого весь храм казался погруженным в раскалённое жерло вулкана, а воздух зримо искривился от жара.

Он всего лишь разложил по одному такому камню в каждом из четырёх углов комнаты.

А этот крикун тут же поднял гвалт; даосского партнера наверняка тоже разбудили. Данчи вновь зыркнул на него.

Времени сводить с ним счёты сейчас не было, оставалось лишь изменить план.

Он резко сжал пальцы, и камень в его ладони вмиг раскололся на бесчисленные осколки.

Мириады золотых огненных нитей брызнули из его ладони во все стороны, разлетаясь по храму подобно распутившимся цветам фейерверка или извержению вулкана — ослепительно и великолепно.

Обернувшись к вошедшему Симень Чуйсюэ, Данчи расплылся в улыбке, сияющей не хуже фейерверка, и заискивающе произнёс:

— Чуйсюэ, ты проснулся!

В его голосе явственно проступало торжество:

— Я ведь расспросил: Лу Сяофэн сказал, что тебе по душе смотреть, как люди сжигают дома. Ну как, красиво?

Столкнувшись с леденящим взглядом друга, Лу Сяофэн превратился в соляной столп, не будучи в силах издать ни звука.

Он вовсе не это имел в виду!

Данчи был невероятно горд собой.

Даосский партнер любит созерцать огонь, но просто палить дома — это слишком банально и не демонстрирует его истинного мастерства.

Поэтому он вспомнил виденные им картины: извержение вулкана было самым грандиозным и зрелищным из всего, что он знал. Жаль, поблизости не оказалось вулканов, пришлось довольствоваться меньшим и заменить их Огненным Камнем Желчи.

Пусть это и не настоящая вулканическая лава, но раз он вложил столько сил, даосский партнер непременно должен быть растроган.

Разговор вне стен храма.

Лу Сяофэн с тревогой на лице вопрошал:

— Как глаза Ци-туна?

Данчи сияющими глазами встречный вопрос:

— Что любит Чуйсюэ?

Раз докучливыми уговорами ничего не добиться, а заботу даосский партнер отвергает, значит, нужно сыграть на его слабостях.

Лу Сяофэн тогда не выдержал:

— Как, ты даже глаза Ци-туна исцелить не можешь?!

Данчи уперся на своем:

— Что любит Чуйсюэ?

После недолгих препирательств Лу Сяофэн наконец отмахнулся:

— Симень любит глядеть на огонь пожарищ, только выложись уже насчет глаз Ци-туна!

Данчи остался доволен:

— Без проблем.

<http://bllate.org/book/22050/2292934>